

постмодерна, устанавливающаяся во взаимодействии и сосуществовании легитимно децентрализованных, гетерогенных социальных институтов.

Собирательные ресурсы, схватывающие единство осязаемых и неосязаемых аспектов культуры, ее явных и имплицитных циклов, демонстративных и латентных потребностей публики в той или иной ориентации, последовательно регистрируются в языке. Тотальность посттоталитарных образов жизни накладывает на эти процессы печать неустойчивого равновесия. Внимание постмодерна к деталям и случайным особенностям техник записи, инструментариям социальной памяти подразумевает глубокую интуицию расчета на непропорционально большие последствия щепетильно осторожного психолингвистического анализа. Деконструкция вплетена в метафизику повседневных практик. Горизонты «разборки и сборки» стремятся поглотить и более высокие слои генерации языка, роднящие мышление и поэтику с религиозной верой.

Взгляд Ю. Хабермаса на технологию как человеческое дело, призывание к механическому обузданию органических сил доминирования, значительно терпимее к человечеству, чем провозглашенное в постмодерне преодоление дихотомий. Тонкая грань отделяет содержательное оправдание человека, отмеченное почти неизбежными диалектическими парадоксами, от передразнивания диалектики и ее языка, ее грамматических изысков во вкрадчивых рефлексиях письма.

Актуальный социологический морализм существенно дополняет этическую традицию, открывает перспективу феноменологии нравственно значимых мотивов поведения людей.

***С. В. Ольховикова***

## **СОЦИАЛЬНАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО МИФА**

В основе классических объяснений социальной жизни миф оставался в контексте исторического пути понимания духом самого себя. Бурные трансформации XX в. вызвали к жизни устойчивые смысловые различия социальных парадигм и порождаемых на их основе теоретических моделей общественной жизни. Век XXI оказался на перепутье формальных нагромождений века минувшего и энтузиазма преследования информационных реалий цивилизованной жизни.

Миф – это очень архаичная, но в то же время бессмертная форма творческой фантазии человечества. Мифотворчество прошло сложный многовековой путь от наивных архаичных схем устройства мира и космоса к нынешним весьма усложненным мифологическим формам, реализуемым в искусстве, науке, литературе, политике, повседневности. И в древности, и в современности миф отличается от других продуктов творчества своей неясностью, неочевидностью, скрытостью. Смысл мифа носит замаскированный характер, как для слушателя, так и для самого мифотворца.

Научное исследование мифа, однако, невозможно без ответа на вопрос: почему миф сохраняется? Что делает его универсальным, вечным механизмом творческой фантазии? Миф – это жизнь, но он находится в неоднозначных от-

ношениях с реальностью. Мифология порождается потребностью человека в понимании и объяснении себя, мира, вселенной, в отыскании универсальных правил поведения и жизни. В мифе человек вступает в диалог с богами, с трансцендентным. Однако, говоря с богами, человек, в сущности, говорит сам с собой. В данном случае трансцендентное оказывается имманентным человеку, вернее, Человечеству, так как мифология представляет собой отражение вечных образов и моделей бессознательного.

Человек первобытного общества лишь в незначительной степени отрывается от «матери-природы», он не отделяет себя от жизни племени, живет «коллективными представлениями» (по Л. Леви-Брюлю), хотя уже переживает последствия отрыва сознания от животной бессознательности. Но с помощью магии, мифологии, ритуалов он восстанавливает гармонию, символы поглощают огромную психическую энергию архетипа. С развитием сознания разрыв между сознательным и бессознательным увеличивается, что усиливает давление со стороны бессознательного. Перед человеком встает проблема приспособления к своему внутреннему миру. Функцию адаптации к образам коллективного бессознательного берут на себя религиозные учения.

Коллективное бессознательное является структурно-генетическим основанием мифа, благодаря ему миф сохраняется и воспроизводится в культуре. Коллективное бессознательное продуцирует архетипы, вечные, но постоянно изменяющиеся, существующие в себе только потенциально, не имеющие содержания. Архетипы и инстинкты проявляют бытие коллективного бессознательного. Форма передачи – наследуемость и социальные механизмы, то есть опыт. Само коллективное бессознательное имеет, по-видимому, сложную структуру и состоит из 1) «невспоминаемого» коллективного опыта, который формирует архетипы, находящиеся с опытом во взаимнообратной связи; и 2) «общее бессознательное» («психоидное бессознательное», по Юнгу), то, что существует объективно, вне человека, то, что есть Истина, осуществленный механизм Всеединства. Оно продуцирует архетипы как априорные формы. Таким образом, архетипы пронизывают всю структуру бессознательного. В сознание же проникают архетипические образы, которые, подвергаясь символической обработке, становятся культурным феноменом. Символы способствуют контакту сознания с бессознательным. С помощью символов человек общается с бессознательным, с Природой и Космосом, с непонятным, недоступным, лежащим за пределами сознания и человеческого Я. Архетип, архетипический образ и символ объединяет эмоциональная интенция, вызывающая доверие. Филогенетически и онтогенетически сознание вырастает из бессознательного, поэтому сознание сохраняет информацию о бессознательном, которое ощущается как хаос. Схватка героя с мифологическими чудовищами бессознательного в то же время есть форма контакта с ним. Научное исследование мифологии – один из путей победы над ним.

Моделирование жизненного мира и поведения по «вечным образцам» в русской литературе Серебряного века относится не только к судьбам героев

произведений, но и, зачастую, к судьбам их авторов. В особенности это характерно для русских символистов, сама жизнь которых была наполнена символами и походила на их стихи – существование вне реального времени и пространства, вне реальных обстоятельств. Интеллектуализированность и саморефлексия, характерные для такого рода литературы, приводит к тому, что данного рода моделирование обеспечивает понимание собственного бытия для личности, ориентированной на «избранность» и индивидуализм.

Но и современный человек также ощущает потребность понимания и на уровне коллективности, «сопричастности» чему-либо (группе, толпе, нации, человечеству). Такого рода моделирование характерно для социального мифотворчества. Причем хотелось бы отметить, что подобного рода «сопричастность» отнюдь не равнозначна в рамках мифа: если мифы массового сознания, как правило, направлены на манипуляцию, то национальная мифология не имеет исключительно утилитарной направленности.

Мы живем не только во время «социальной массы», ситуация меняется, и горизонты бытия расширяются. Третья великая эпоха мифотворчества не закончилась с концом XX в.: кардинальные социальные, научные и технические сдвиги охватывают всю Землю, а сама она воспринимается не только как обитель человечества, но и как часть Вселенной, Космоса. Это неизбежно приводит к смене мировоззренческой парадигмы, для которой необходим синтез естественно-научного, философского и художественного освоения мира.

Иными словами, если архаическая мифология законы социума и его структуры экстраполировала на природу, то в современном обществе законы и структуры социума превращаются мифом в вечные и неизменные, подобно «естественности» законов природы. Так миф продолжает выполнять свою функцию стабилизатора в обществе. До мифологизации внешний мир представляет собой взаимосвязь различных видов человеческой деятельности, поступков, после мифологической обработки он предстает в виде гармонической картины неизменных сущностей.

Итак, миф есть универсальный способ организации духовной жизни, его источником выступает потребность в смысле. Как способ организации духовной жизни, миф, посредством коллективного опыта и коллективной памяти, обеспечивает, во-первых, сохранение социального пространства и, во-вторых, связь и непрерывность социального времени. Таким образом, миф является способом организации социальной жизни.

*Л. А. Осьмук, И. В. Жданова*

## **СУПЕРВИЗИЯ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ**

Внедрение семейно-центрированной модели системы профилактики семейного неблагополучия и социального сиротства в Новосибирской области – проект, требующий эффективного управления. Проект реализуется с 2009 г., однако, на